

4. Гурченко, А. И. Фольклорные традиции белорусов в контексте профессиональной подготовки специалистов в Белорусском государственном университете культуры и искусств / А. И. Гурченко // Этническая культура. – 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 58–61.

5. Национальный академический Большой театр оперы и балета Республики Беларусь [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.bolshoibelarus.by>. – Дата доступа: 20.08.2021.

6. Смольскі, Р. Вынікі тэатральнага сезона 1996/1997 гг. у драматычных тэатрах Беларусі: тэатральны летапіс Беларусі 90-х / Р. Смольскі [і інш.]. – Мінск : Права і эканоміка, 1996. – 108 с.

7. Смольскі, Р. Вынікі тэатральнага сезона 1995/1996 гг. у драматычных тэатрах Беларусі: тэатральны летапіс Беларусі 90-х / Р. Смольскі [і інш.]. – Мінск : Права і эканоміка, 1996. – 60 с.

8. Тэатральная Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. / пад агульн. рэд. А. В. Сабалеўскага. – Мінск : БелЭн, 2002–2003. – 2 т.

УДК 141.2

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА И ЗАПАДА: ПРИЧИНЫ И СФЕРЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

М. А. Можейко, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

Аннотация. Объектом исследования выступает дифференциация традиционных культур Запада и Востока. Целью являются экспликации детерминант фундаментальных различий традиционных культур восточного и западного образцов. Статья посвящена решению такой проблемы, как выявление параллелизма различий восточных и западных культур в таких разных сферах, как нравственное сознание, тип философствования, религиозные установки, языковые системы (грамматические конструкции, в частности) и др. Полученный результат представляет собой целостную модель дифференциации традиционных культур Запада и Востока, что позволяет глубже понять как их специфику, так и механизмы взаимовлияния, а также моделировать пути их взаимодействия на современном этапе разворачивания глобализационных процессов (в контексте формирования тенденции глокализации) с учетом автохтонных особенностей тех и других.

Ключевые слова: Восток, Запад, традиционная культура, нравственное сознание, тип философствования, религия, язык.

TRADITIONAL CULTURES OF EAST AND WEST: COUSES AND SPHERES OF DIFFERENTIATION

*M. Mojeiko, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Educational Establishment
«The Belarusian State University of Culture and Arts»*

Abstract. The object of the research is the differentiation of traditional Orient and Western cultures. The aim is to explicate the determinants of its fundamental differences. The article is devoted to solving such a problem as identifying the parallelism of Eastern/Western differences in moral consciousness, type of philosophizing, religious, grammatical systems, etc. The result obtained is the model of differentiation of traditional Orient and Western cultures, which allows deeper understanding of their specificity, mechanisms of mutual influence, as well as modeling ways of their interaction at the present stage of globalization (formation of the trend of globalization), taking into account autochthonous features of both.

Keywords: East, West, traditional culture, moral consciousness, type of philosophizing, religion, language.

В структуре любого акта деятельности можно выделить субъектную и объектную составляющие: с одной стороны – действующий субъект, его цели и знание технологий, с другой – предмет деятельности с его свойствами, которые трансформируются желательным для человека образом, превращая предмет воздействия в продукт, соответствующий поставленной цели.

Эта структура универсальна, однако в культурах Запада и Востока ее осмысление осуществляется по-разному: для западных культур характерен акцент на субъектной составляющей деятельности, для восточных – на объектной. Связано это с тем, что социальность западного образца (начиная с Античности) основывается на ремесленном производстве, которое делает очевидным преобразующее воздействие мастера на материал. Ремесленник в Древней Греции именовался *δημιουργός*, т. е. *создатель, творец*. Это спровоцировало своего рода преобразовательский активизм Античности: например, прокладывая дорогу, препятствия не обходили, но преодолевали (вырубали ступеньки на склонах, срывали холмы и т. п.).

Такая установка формирует в культуре западного типа представление о человеке как о выделенном из природы преобразователе мира, что в эпоху Ренессанса приводит к возникновению трактовки человека как *царя природы*.

В отличие от этого, ранние восточные общества, основанные на сельском хозяйстве, центрируют внимание на самой трансформации предмета в продукт, воспринимая ее как спонтанный природный процесс: рост злаков, созревание плодов и т. п. Деятельностный акт воспринимается синкретично: акцент делается на превращении предмета в продукт под воздействием внешних условий, куда относится и человек с его усилиями.

Это находит свое отражение в аксиосфере восточной культуры: в ряду достоинств человека на передний план выдвигается достижение гармонии с миром, в отличие от Запада, акцентирующего самореализацию субъекта посредством природопреобразующей деятельности и активизма в целом.

В целом западная культура выстраивает себя на основе субъект-объектной оппозиции как своей несущей смысловой оси, и именно на этом фундаменте формируется такое порождение новоевропейской истории, как **наука**. В основе ее научного познания не просто лежит противопоставление субъекта и объекта, но безоговорочное признание внеположенности объекта познающему субъекту и как следствие – неукоснительный объективизм как нормативное требование, предъявляемое к когнитивным процедурам.

Выразительные различия могут быть зафиксированы и в сфере **нравственного сознания**. Так, активная жизненная позиция выступает имплицитным основанием нравственности западного образца, начиная с этических нормативов античной культуры. К примеру, согласно принятому Солоном закону, гражданин полиса лишался своего статуса и прав, если во время конфликта (вплоть до обычных уличных беспорядков) он не поддержал ту или иную сторону с оружием в руках. Показательна реакция Гомера на поведение Ахиллеса, чей отказ от участия в боевых действиях описывается как настолько радикальный шаг, что требует для своего описания прямо-таки божественных усилий («Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»). Однако в контексте восточной морали это было бы воспринято как обычная практика: уединиться, чтобы изжить обиду и восстановить как внутреннюю гармонию, так и гармонию с внешним миром.

Согласно даосизму, недеяние (*у-вэй*) однозначно доминирует над активностью как таковой (*вэй*): «когда состояние отсутствия стремлений осуществляется посредством покоя, тогда выправление Поднебесной будет происходить само собой», и потому «пусть <...> будут десятки и сотни приспособлений-инструментов, а не применяют», «есть лодки и колесницы, а никто на них не ездит» [1, с. 23–65]. Более того, восточная традиция склонна негативно воспринимать избыточный активизм, что отчетливо проявляется в традиционном сюжете, варьирующемся от индийской поговорки «не тяни лук за перья» до китайской притчи о человеке из царства Ди, который, посадив злаки, потягивал их из земли, торопя их рост, и в результате остался ни с чем.

В **религиозном сознании** также можно усмотреть подобную дифференциацию. Поскольку в культуре западного типа оформляется стиль мышления, основанный на субъект-объектной оппозиции, постольку любой результативный процесс мыслится как акт активности субъекта – своего рода Автора наблюдаемого результата. Это выступает одной из важнейших детерминант формирования креационизма, трактуемого

мироздание как продукт божественного творения. Даже развитие естествознания, ориентированного на исследование естественных законов природы, сохраняет эту установку, порождая деизм, согласно которому Бог творит мир (подобно тому, как часовщик заводит часы), и пусть далее стрелки двигаются уже по механическим законам, в основе – творческий акт, запускающий природные процессы и создающий закономерности их протекания.

В отличие от западного теизма, мыслящего Абсолют в качестве персонафицированного Бога, открытого для субъект-субъектных отношений (пусть вертикальных, но тем не менее личных) нетеистические религии доисламского Востока артикулируют сферу трансцендентного в качестве безличных сущностей: к *дао* нельзя обратиться с мольбой сердечной...

В сфере **философского мышления** модели универсума, предлагаемые мыслителями Запада и Востока, также строятся на принципиально различных основаниях. Так, философия Востока моделирует космогенез в качестве спонтанного процесса, трактуя мироздание как продукт взаимного резонирования сущности вещей: каждая вещь характеризуется *цзы-жань* (т. е. изначально присущим ей *самокачеством*), вещи с одинаковым *жань* поддерживают *жань* друг друга, тем самым их качество автохтонно. Привнесенное качество – *чжи-жань* – нарушает эту автохтонность и является результатом внешнего усилия (в качестве примеров приводятся, как правило, вываривание индиго в синюю краску или воспитание ребенка), и это привнесенное (навязанное) *жань* аксиологически уступает *самокачеству*.

Для натурфилософии Запада, напротив, характерны такие модели космогоний, в которых четко обозначается целеполагающий субъект космосозидания (например, *нус*, разум у Анаксагора). Наиболее выразительна в этом плане модель космогенеза, предложенная Аристотелем, который, обозначая причины оформления мироздания, фактически повторяет компоненты деятельностного акта: действующая причина (субъект), целевая (его целеполагание), формальная (оформляющие продукт технологии) и материальная (предмет преобразования). Таким образом, лишь последняя причина обозначает объектную составляющую деятельности, в то время как субъектная расписана дифференцированно и подробно. Субъект выступает как инициатором и актором процесса, так и автором результата.

Аналогичные различия можно наблюдать и в **грамматических структурах языка**, в частности, в разнице базовых функционально-семантических оппозиций восточных и западных языков. Так, в древнекитайском языке взъянь основная оппозиция составляет имя и предикатив (прилагательные и причастия, выполняющие в предложении функцию определения). В структуре деятельностного акта (события), которую выражает предложение своей грамматической структурой, им соответствует акцентированная в восточной культуре объектная состав-

ляющая: имя выражает предмет воздействия, а предикатив – его трансформирующиеся свойства. В отличие от этого, в западных языках центральная функционально-семантическая оппозиция задается именем и глаголом, что центрирует внимание на субъекте и действиях, осуществляемых им как актором. Соответственно, если в древних восточных языках доминируют грамматические конструкции пассива (типа «олень убит охотником»), то в западных – активные грамматические конструкции (типа «охотник убил оленя»). В силу этого при описании спонтанных процессов в западных языках практикуется феномен т.н. *примысленного субъекта*: от конкретно персонифицированного *Зевс дождит* в древнегреческом – до безличного *it is raining* в современном английском.

Принципиально различаются даже *игры*, практикуемые Востоком и Западом. Например, пришедший с Востока серфинг предполагает органичное слияние человека с природным процессом, вписывание его в скорость и ритм волны, в то время как водные лыжи Запада ее просто механически разрезают.

Переход к индустриальному типу общества трансформировал указанные различия и сгладил жесткость дифференциации традиционных культур Востока и Запада. Так, в конце XIX – начале XX в. фундаментальность субъект-объектной оппозиции была поставлена европейской культурой под сомнение. Так, в естествознании Копенгагенской школой был сформулирован отказ от безусловности внеположенной позиции субъекта в отношении приборной ситуации. В философии на рубеже XIX–XX вв. наблюдается *кризис онтологии*, приведший к экзистенциализации традиционных для нее проблемных полей: интерпретация Г.-Г. Гадамером *открытого для понимания бытия* в качестве *Я, опыт феноменологической онтологии* Ж.-П. Сартра и мн. др. Субъект-объектная оппозиция подвергается критике и в рамках антропологии: по Ж. Моно, современный «человек <...> осознает свое одиночество в равнодушной бескрайности Вселенной» [3, р. 180]. Такое смягчение радикализма субъект-объектной оппозиции (интегральное видение мира) для традиционной культуры Запада характерно не было.

Очевиден и встречный вектор – адаптация восточной культурой многих установок и практик западной традиции (при сохранении специфики, которая на современном этапе глобализации актуализируется, формируя тенденцию глокализации [4], которая проявляется в таких векторах развития, как стремление Японии *вернуться в Азию*, *индуизация* Индии [2, р. 1–2] и т. п.).

Учет этих обстоятельств может служить эффективной основой конструктивного диалога Востока и Запада в реалиях современности.

1. Лао-Цзы. Трактат о Пути и Потенции (Дао-Дэ Цзин) / Лао-Цзы // Антология даосской философии. – М. : Клышников – Комаров и К°, 1994.

2. *Dwivedi, A. V. Sanskritization (Hinduism) / A. V. Dwivedi // Hinduism and Tribal Religions / ed. by P. Jain, R. Sherma, M. Khanna. – Springer Netherlands, 2018.*

3. *Monod, J. Chance & Necessity / J. Monod. – New York : Vintage Books, 1972.*

4. *Stiglitz, J. Globalization and Its Discontents / J. Stiglitz. – London : W. W. Norton & Co, 2003.*

УДК 027.4(474.5-25)(091) + 022

ВЛИЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ХРАНЕНИЯ ФОНДА И ОБСЛУЖИВАНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ВИЛЕНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ)

***Р. С. Мотульский**, доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры библиотечно-информационной деятельности
учреждения образования «Белорусский государственный
университет культуры и искусств»*

Аннотация. В статье на примере Виленской публичной библиотеки, крупнейшей библиотеки Северо-Западного края в конце XIX – начале XX в., рассматривается влияние материально-технической базы на организацию хранения фонда и обслуживание пользователей. Начиная с открытия (24 мая 1867 г.) и на протяжении нескольких десятилетий по мере роста объема фонда и количества посетителей показан процесс постепенного увеличения площади библиотеки. Описаны сложные условия хранения фонда и обслуживания читателей, связанные с тем, что наряду с библиотекой «с состоящим при ней музеем» в здании находились разные учреждения и жилые квартиры. Помимо организационных неудобств, это создавало постоянную угрозу возникновения пожара и уничтожения ценных коллекций. Несмотря на проводимые ремонты, общее состояние помещений из года в год ухудшалось, ощущалась нехватка площади для размещения фонда и организации рабочих мест для читателей.

Ключевые слова: Беларусь, библиотеки, библиотечное обслуживание, Виленская публичная библиотека, книжные фонды, материально-техническая база, пользователи.

INFLUENCE OF MATERIAL AND TECHNICAL FACILITIES TO ORGANIZATION OF COLLECTION STORAGE AND USER SERVICE (THROUGH THE EXAMPLE OF THE VILNA PUBLIC LIBRARY)

***R. Motulsky**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor
of the Department of Library and Information Studies of the Educational
Establishment «The Belarussian State University of Culture and Arts»*